

Лунный свет просачивался сквозь оконную решетку, рассыпая холодное серебро по столешнице из черного нефрита. Си Юй сжался в клетке, укутавшись в девять белоснежных лисьих хвостов, но это не помогало унять тревогу, бурлящую внутри. Отношение Цзинлю действительно стало мягче — она больше не колола его острыми словами, еду стала бережно подогревать до нужной температуры и даже иногда оставляла у клетки изящно оформленный альбом с рисунками. На страницах были запечатлены горные пейзажи Сяньчжоу Лофу, прорисованные с такой тонкостью и старанием, что это не могло не бросаться в глаза. Однако эта мягкость походила на кандалы, обернутые в медовую глазурь, лишь подчеркивая саму суть его заточения.

Си Юй поднял руку и коснулся серебряного кольца на запястье. Бубенчик тихо звякнул, и в наступившей тишине этот звук показался ему напоминанием: ты — птица в клетке, домашний питомец на привязи. Он смотрел на тени бамбука, раскачивающиеся на ветру в саду, и вспоминал уличные сцены Сяньчжоу, которые видел в окно за последние дни: женщины в нарядных платьях, спешащие по своим делам, отряды Облачных Рыцарей, проходящие мимо с развевающимися на копьях кистями, звонкие крики уличных торговцев... Это был живой, свободный мир, отделенный от его изысканной темницы целой вечностью.

— Больше так продолжаться не может, — прошептал он про себя. Лисьи ушки чуть дрогнули, и в их розовых кончиках промелькнула решимость. Он признавал, что порой проявляемая Цзинлю уязвимость — например, тот мимолетный отблеск тоски в ее алых глазах, когда она заговорила о падающих звездах в снежную ночь — заставляла его на мгновение дрогнуть. Но это колебание не могло сравниться с жаждой свободы. Он не тот Юй, который, по ее словам, перед ней в долгу. Он — Си Юй, он хочет сам мерить этот мир своими ногами, а не сидеть в птичьей клетке, изо дня в день сталкиваясь с ее непонятными навязчивыми идеями и обвинениями.

С того дня Си Юй начал наблюдать, не подавая виду. Он больше не прятался и не оправдывался при виде Цзинлю, как в первые дни, а напротив, старался говорить с ней спокойным тоном, даже если в ответ получал лишь холод или допросы о прошлом. Он понимал: только усыпив бдительность Цзинлю, он сможет найти шанс на побег.

Когда ранним утром Цзинлю приносила молоко, Си Юй тихо благодарил ее, а затем, попивая из нефритовой чаши, невзначай заговаривал о рисунках в альбоме:

— Этот Облачный мост на картинке выглядит таким высоким. Если стоять там, можно увидеть весь Лофу?

В его голосе звучало ровно столько любопытства, сколько нужно, чтобы она поверила в его искренний интерес. Поначалу Цзинлю лишь сухо отзывалась, но со временем стала отвечать охотнее:

— С самой высокой точки Облачного моста можно разглядеть море звезд, но там слишком сильные ветры, обычным людям туда путь заказан.

В ее алых глазах при этих словах было меньше фанатизма и больше воспоминаний о пейзажах. Эти перемены придавали Си Юю решимости.

Он принялся изучать устройство замка. Темно-золотой замок казался сложным, но однажды, когда Цзинлю открыла дверцу, чтобы поставить еду, он разглядел форму личинки — это был типичный для Сяньчжоу замок с меандровым узором. Несмотря на изящество, у него была слабость: стоило найти подходящий паз, и его можно было вскрыть чем-то тонким и твердым. Он также заметил, что каждый день после полудня Цзинлю уходила на час, ссылаясь на дела со старыми сослуживцами. Перед уходом она всегда тщательно проверяла, заперта ли клетка, и гладила его по ушам — этот жест вызывал у него отвращение, но приходилось терпеть. В это время в саду никого не было — идеальный момент для разведки.

Си Юй начал тайком собирать полезные вещи. Промасленная бумага, в которую заворачивали пирожные, оказалась прочной — он аккуратно складывал ее и прятал под хвостами. Страницы альбома были плотными, и, когда Цзинлю не видела, он отрывал уголки и с помощью ногтей стачивал их в тонкие полоски, пытаясь имитировать инструмент для взлома. Даже бубенчик на серебряном кольце был изучен досконально: на крючке была крошечная щель, и, если подобрать инструмент, его можно было снять, чтобы не звенеть при побеге.

Однажды Цзинлю принесла нефритовую подвеску с выгравированным узором, сказав:

— Нашла случайно, носи, если хочешь.

Подвеска была теплого белого цвета, с изображением летящего журавля, гладкая и приятная на ощупь. Когда Си Юй принимал ее, его пальцы случайно коснулись руки Цзинлю. Ее кожа была ледяной, но в момент прикосновения она вздрогнула и быстро отдернула руку. На ее алых глазах проступил неестественный румянец, и она коротко бросила:

— Носи и веди себя смирно, — после чего ушла.

Си Юй сжимал подвеску, чувствуя смутение. Он знал, что ее чувства к нему искажены навязчивой идеей, но за этим искажением скрывалось нечто невыразимое. Однако это не могло стать причиной отказаться от свободы. Он спрятал подвеску поближе к телу, подумав, что она еще может пригодиться.

Дни шли, и притворство Си Юя приносило плоды. Бдительность Цзинлю заметно ослабла; иногда, уходя, она оставляла дверцу клетки приоткрытой, насмешливо спрашивая:

— Что, хочешь воспользоваться моментом и сбежать?

В ее голосе слышалась ирония, но исчезла прежняя угроза. Си Юй послушно качал головой и делал беспомощное лицо:

— Мне все равно не сбежать, не волнуйся.

Только он сам знал, как бешено колотилось его сердце каждый раз, когда она отворачивалась, и как напрягались под хвостами мышцы, готовясь к решающему рывку.

Он изучил маршрут Цзинлю: она всегда выходила через калитку в западной части сада, за которой начинался тихий переулок со старой софорой, где иногда появлялись торговцы цветами. Он также заметил, что стена не так уж высока, а по ней вьется плющ. Стоит перелезть, и можно выйти на главную улицу, а там — спрятаться или найти путь к Управлению

Облачных Рыцарей, о котором упоминала система (хотя она и спала, в начальных подсказках говорилось, что это важная организация, где ему могут помочь).

Наконец, в один пасмурный полдень представился случай. Цзинлю уходила в спешке, заявив, что у бывших сослуживцев возникли срочные дела. Поставив еду, она лишь бросила: Не смей никуда уходить, — и быстро вышла, даже не проверив замок, как обычно.

Си Юй затаил дыхание, прислушиваясь к удаляющимся шагам, пока они не стихли совсем. Он тут же достал спрятанные бумажные полоски и подвеску. У края нефрита был острый выступ — идеально для того, чтобы нащупать паз в замке. Подойдя к дверце, он дрожащими, но твердыми пальцами направил острие в личинку замка, действуя в точности так, как запомнил.

Раздался тихий щелчок. В тишине сада он прозвучал как гром. Сердце Си Юя подпрыгнуло, уши встали торчком. Он прислушался: шагов нет, звуков нет, лишь шорох бамбука на ветру. Он толкнул дверцу — она поддалась с легкостью перышка.

Выбравшись из клетки, он едва не закричал от радости. Он стоял снаружи, глядя на темницу, державшую его полмесяца, и чувствовал огромное облегчение. Но медлить было нельзя. Он быстро снял серебряные кольца с запястий и лодыжек — они могли выдать его звоном. Обернув их бумагой, он острым когтем перетер тонкие цепочки, а сами украшения спрятал в щели стены, чтобы не оставить следов.

Калитка была лишь прикрыта. Си Юй проскользнул в щель, убедился, что переулок пуст, и осторожно прикрыл ее за собой. Он шел по прохладным каменным плитам, чувствуя себя как никогда уверенно. У старой софоры торговец цветами, раскладывая товар, заметил его и с улыбкой спросил:

— Юный господин, не желаете купить цветов?

Си Юй замер, осознав, что обращаются к нему. Он посмотрел на яркие цветы в корзине, потом на шумную главную улицу вдалеке. Его хвост качнулся, и на лице впервые с момента прибытия в этот мир появилась искренняя, легкая улыбка. Он покачал головой:

— Нет, спасибо, — и зашагал к людной улице. Он понимал, что это лишь первый шаг. Когда Цзинлю обнаружит пропажу, она начнет безумные поиски, и впереди еще много опасностей.

Но сейчас, ощущая прохладу ветра на лице, слыша живые голоса людей и глядя на разворачивающуюся перед ним свободу, Си Юй не чувствовал страха. Только решимость. Он сжал в руке нефритовую подвеску, высоко подняв уши, словно впитывая каждый вздох этого мира. Он не знал, что ждет его впереди и как сложится судьба Цзинлю, но точно знал: он выбрался из клетки и теперь сам будет искать свое будущее, а не останется птицей с подрезанными крыльями, запертой в чужих навязчивых мыслях.

Вдали облака начали расходиться. Луч солнца пробился сквозь пелену, упав на белые волосы Си Юя. В его небесно-голубых глазах отражались город и люди — они сияли, словно в них собрался весь свет звезд. Он глубоко вдохнул и ускорил шаг, направляясь в самую гущу толпы.

Там, возможно, скрывалась опасность, но там же жила и надежда на свободу.

<http://bllate.org/book/20757/2081627>